

Творческий портрет

Один из видных иркутских артистов Аркадий Петрович Тишин — самый большой должностной в областном драматическом театре. Его знают, помнят и любят многие поколения иркутян и, уверена, каждый представляет его по-своему. Дело тут не только в различии пьес, где он играл, самих ролей, режиссерского почерка, возраста артиста. Дело, прежде всего, в его чутком созвучии с жизнью, в его умении, оставаясь верным добрым традициям театра, быть всегда современным: и своим героям, и своим зрителям.

Уповать на опыт, рассчитывать на приобретенные за долгую жизнь на сцене какие-то свои актерские приспособления тут не приходится. Ибо ничто так не грозит штампом, как впрок заготовленные приемы и методы. Легкость и непринужденность, с какими играет Тишин каждую новую роль, только видимость. Создать это впечатление у зрителя — и есть, пожалуй, самая трудная задача. Но она никогда не была для Тишина самоцелью. Это естественный результат вздумчивого и напряженного постижения им человеческого характера, скрупулезного и в то же время очень личного воплощения на сцене рожденного драматургом образа — взятого из правды жизни и возвращенного ей в виде правды искусства.

Очень важно для Тишина, чтобы образ этот был живым и полнокровным, чтоб он был и для него самого, и для зрителей, пусть маленьким, но обязательно открытием. Не припомню, чтоб когда-то брался Тишин за слабую роль в пустячной пьесе. Другое дело — что не все и не всегда получается в одинаковой степени хорошо, бывают и прощелки, бывают и недотяжки. Степень «крика» в актерской работе тоже входит в творческий поиск, без нее не обойтись, как не обойтись без азарта, проба и интуиции.

Бывает такое: деревенский парень, вожак совхозной комсомолки мечтал стать юристом, поехал учиться в саратовском рабфаке, а увидел спектакли драматического театра — и забыл все на свете: поступил в училище, решил стать артистом. Увлеченность и серьезность, с какими он отдался учебе, убеждали: молодой человек с хорошими внешними данными и отличным голозом стремится на сцену не ради того, чтоб «себя показать», а увидел в ней свое призвание.

Как ни странно, первый большой успех пришел к нему, когда в Иркутском театре драмы ставилась комедия Н. Дьякова «Свадьба с приданым». К тому времени за плечами Аркадия Петровича было уже несколько лет работы и в других, и в иркутском театре. Роль веселого бесшабашного деревенского парня Курочкина, как и вся пьеса, казалось бы, не таила в себе особых философских глубин. Но сам оптимизм, открытость, доброта, жажда действия, заложенные в комедии, были как нельзя более созвучны настроению тех послевоенных лет, озаренных радостью великой Победы. А в обязательности великой Победы, А в обязательности, искреннем, веселом и находчивом Курочкине, при всем его смешном тщеславии и наивной предприимчивости, видели зрители характер добрый и отзывчивый, натуру простую и естественную. Здесь и пригодились большая музыкальность Тишина, умение его отлично исполнять народные частушки, их он знал немало еще с комсомольских лет. Он словно пережил заново свою юность, этим, вероятно, объяснялась та большая сценическая раскованность, свобода поведения, которые, пожалуй, впервые пришли к нему именно в этом спектакле. Ролью Курочкина он выразил то, к чему стремилась душа, звал зрителей ко всем радостям мирной созидательной жизни. Он был не прокурором своего героя — не слишком положительного, но и не совсем уж отрицательного — живого реального пар-

ня, каких миллионы, — а его адвокатом, старался укрепить в человеке веру в хорошее, в то, что это хорошее победит.

Тогда-то и заговорили о творческой индивидуальности Тишина — мягкой, какой-то округлой манере поведения, простоте, далекой от простоватости, умении применить классически правильную выразительную, красиво звучащую речь и в работе над современной темой, внутренней логикой развития образа, которая строилась без нажима и педалирования на глубоком художественном анализе поведения персонажа.

Между тем прошло немного времени, и Тишин, после ряда неплохих, по-своему интересных ролей, преподносит новый сюрприз — образ Победоносикова,

ристов жертвами собственной доверчивости и искренности, интересовали Тишина. «Какая ужасная вещь то, что люди с низшей духовной силой могут влиять и руководить высшей» — сказал когда-то о Николае Лев Толстой. Тишин не просто иллюстрировал эту мысль в спектакле театра драмы, а последовательно раскрыл в столкновении Николая с декабристами.

Многие из ролей, сыгранных Тишиным, не принадлежали перу классиков, но он всегда стремился поднять их по возможности до этой высоты, до Искусства с большой буквы. С подлинной самоотдачей относится он к работе над крупными ролями классического репертуара, трепетно вживался в материал, вдумчиво и настойчиво искал свое ти-

ВСЕГДА СНАЧАЛА

«главного начальника по согласованию» в «Бане» В. Маяковского. Не увлекаясь внешними приемами гротеска (их достаточно у самого Маяковского), Тишин делал упор на точную и выразительную раскраску речи, и заложенное в пьесе обобщение достигало большой силы. В то же время его Победоносиков был непрерываемо убедителен в своей жизненной достоверности, в человеческой «обоснованности» его притязаний, возвращенных на лесть и пресмыкательстве подчиненных. Эта роль вызвала смех недобрый и безжалостный, но сам Аркадий Тишин удостоивался дружных сердечных оваций.

Никак непримимы модные слова «отстранение», «отчужденность» к этому художнику истинно русской органичности игры, большому мастеру перевоплощения, и все-таки зрители четко находят грань, отделяющую образ от самого исполнителя. Спектакль, поставленный более четверти века назад С. Казимири-Ровским, в том же составе и с теми же акцентами, и ныне прозвучал бы с той же силой и убедительностью, столь же современно.

Целью залп подобных выстрелов по «отдельным» человеческим недостаткам и негативным явлениям общественной жизни выдал в те пятидесятые и шестидесятые годы А. П. Тишин.

С большим успехом сыграл Тишин главного героя» великовозрастного недоросля Милорада в «Докторе философии» Б. Нушича, по-своему яркого, очень комедийного, очень выразительного в своей искренней вере в то, что жизненный успех ему обязаны принести на тарелочке сердобольные родственники. Он появился рядом с жестким по рисунку, хотя и мягким по характеру карьеристом и приспособленцем Полудиним в «Персональном деле» А. Штейна. Чем-то похож на него, но более «прикрыт» лоском галантности и приличия был проходимец-казнокрад Семен Семенович в «Ленинградском проспекте» И. Штока.

Все, накопленное по этой, так сказать, негативной линии, самым неожиданным образом пригодится Аркадию Петровичу позднее, когда его назначат на роль императора всея Руси Николая Первого в спектакле по пьесе В. Коростылева «Через сто лет в березовой роще». Помню, даже находясь в больнице, работал Тишин над этой ролью, читал целые кипы редкостных книг, много думал, беседовал с руководителями. Ему было интересно, необходимо знать, как чувствует себя человек у власти, как меняется личность, в чьих руках судьба тысяч, миллионов людей. В этих исследованиях в нем вновь заговорил несостоявшийся юрист, возник интерес к вопросам права, законодательства. Но и человеческие черты «ласкового сатрапа», который сделал многих из декаб-

шинское решение! Художником большой силы перевоплощения показал себя он в роли старого крестьянина деда Акима в спектакле «Власть тьмы» Льва Толстого. Дело не только в удачно найденном гриме, пластике, умело использованной речевой характеристике. Актер словно бы сам прожил — день за днем, час за часом — тяжелую мудрую жизнь этого нехлебного, но твердого в моральных убеждениях человека. «Мужик невзрачный, богобоязненный», Аким Тишина обладал умным и справедливым сердцем, болезненной всего он воспринимает неправду, душевную черствость, унижение человеческого достоинства. Он и говорит-то всего два слова: «тае-е» или «нетае-е», но выражает ими огромную гамму чувств и переживаний, страстный протест или тихое удовлетворение. Его Аким поднимал весь спектакль на высокую ступень реализма, художественной правды, вызывая большие чувства и раздумья о его доброте и бескорыстии.

В том же ряду больших, прямо-таки классических работ стоит исполненная Тишиным роль приживальщика и прожиги Расплюева в спектакле «Свадьба Кречинского» Сухово-Кобылина. Казалось бы, ничего в этой роли нет общего с робким и честным Акимом. Докатившись до самого дна человеческого существования, стал Расплюев на старости лет шутом и приживальщиком матерого шулера Кречинского. Вот и приходится ему изворачиваться под ударами судьбы и кредиторов, вертеться между двух огней, на ходу придумывая обстоятельства, которые могут подкупить, разжалобить мучителя. Великое лицедейство — это художественный ключ образа, созданного Тишиным, секрет большой его театральности, живописности, при всей его правдивости и жизненной достоверности.

Высокая степень мастерства, сила самоотдачи, глубина перевоплощения, пронзительная человечность — и есть то общее, что роднит эти в корне противоположные характеры. Вместе с тем сопереживание даже с самым мощным современным исполнителем этих ролей на советской сцене Игорем Ильинским ничуть не умаляет достижений Тишина — в этом я убедилась по собственным наблюдениям.

Молодая советская драматургия подарила театрам немало новых современных пьес, отличающихся чутким вниманием к человеку, его душе и судьбе, его отношениям со средой, новым проявлением всеразвешивающей ярващины равнодушия, тупости и мещанства, нетленной, непреходящей ценности благородства души, доброты, совестиливости и чести.

Первым в списке этих драматургов стоит наш земляк А. Вампилов. Его лучшая пьеса «Старший сын» впервые в стра-

не была поставлена тринадцать лет назад на иркутской сцене, и все эти годы главную роль — скромного провинциального музыканта Сарафанова играет А. П. Тишин. Драматургия А. Вампилова удивительным образом продолжала тот ряд произведений русской классики, где в центре внимания был так называемый «маленький человек» с его радостями и печалью, со скромной непримечательной судьбой, но твердыми моральными принципами, произведений высокого гуманизма и щемящей человеческой правды. За внешними чертами вот такого «маленького»

провинциального музыканта Сарафанова увидел Тишин и щедро показал натуру цельную и тонкую, способную глубоко понимать и чувствовать чужую беду, неприкаянность. И невзначай, что не был молодой повеса — самозванец Бусыгин его сыном, увидел в нем Сарафанов родственную душу, полюбил, признал членом семьи. И тот странный парадокс, что докатился Сарафанов, в силу неких слабостей характера, до службы в жалком похоронном оркестре, ничуть не умаляет в наших глазах его человеческих качеств, а лишь подчеркивает его доброту, любовь к людям и самой жизни, нравственное достоинство.

Свою позицию, ключ в раскрытии этого образа А. П. Тишин искал в тесном контакте с самим молодым автором, учиться у которого было для него и большой радостью, и настоящей школой. Можно сказать, что исполнитель принимал самое живое участие в творческой лаборатории драматурга, а писатель способствовал становлению современного стиля у маститого актера. Помнится, и на десятом спектакле А. Вампилов придирчиво и дотошно следил за логикой поведения Сарафанова, а потом долго беседовал с исполнителем о своем любимом герое.

В критической литературе, посвященной творчеству Тишина, и спектаклю, и роли Сарафанова отведено много мыслей и слов. Заново переработанный тем же постановщиком В. Симановским, он жив и поныне. Тишин словно слился с Сарафановым, в каждом спектакле играя его с иными, новыми акцентами, благо, что роль дает большую свободу для импровизации. Создается даже впечатление, что роли другого плана с тех пор не очень захватывают его. Так, излишне мягким, бесхарактерным получился, к примеру, Судаков в «Гнезде глухаря» В. Розова, тогда как автор звал к безоговорочному осуждению этого современного высокопоставленного мещанина. Думается, подобные недостатки лишь подчеркивают то главное, что отличает творчество Тишина, — во всем идти своим путем, подходить к каждому персонажу со своей человеческой меркой, растить зерно характера в своем сердце.

Сейчас творческие интересы А. П. Тишина как никогда более связаны с жизнью и судьбами его современников, людей одного с ним поколения, тех, чья жизнь бесхитростна и безыскусна, чьи нравственные убеждения сохраняют чистоту и ясность, а поступки не расходятся с этими убеждениями. Это и привлек Аркадия Петровича простотой трудолюбивый и добрый человек кровельщик Николай Михайлович Чмутин в пьесе молодого драматурга А. Галина «Ретро». Он и выйдя на пенсию, живя в роскошной столичной квартире

дочери, остался кровельщиком, и по трудовым привычкам, и по философии. Оттуда, с крыш-то, к небу, птицам, солнцу ближе, более цельно, обобщенно видится вся жизнь человеческая. Не нравятся Чмутину ни затхлый мир дома дочери, словно из осколков слепленного из старинных предметов чужой жизни, ни их душевная черствость, нечистоплотность в делах и отношениях с людьми, мещанская суть их устремлений. Он, словно лакусовая бумажка, своим бескорыстием и совестиливостью, самим своим вторжением в эту жизнь как бы делает переоценку ценностей. Ему душно и тоскливо здесь, где не слышно детских голосов, не звучит искренний смех, правдивое слово. И единственный, с кем он может общаться, — дикий городской голубь, залетевший поклевать зерен. Чмутин у Тишина предстает в начале спектакля, как большой растерянный ребенок, вырванный из привычной среды. Он не впадает в розовую сладость, но полная беспомощность некогда крепкого рабочего человека, потерявшего почву под ногами, трогает и вызывает тревогу. А не ловкие, бестактные попытки дочери и зятя «сплавить» его, женив на первой попавшейся старушке, делают ситуацию не столь смешной, как может показаться неопытному зрителю, сколь по-настоящему трагической. И происходит естественный взрыв — протест старого человека, чье чувство достоинства оскорблено, чья жизнь потеряла ценность и уважение в глазах собственных детей. Бунт старого Чмутина, неожиданно поддержанный «невестами» — людьми одного поколения и одной судьбы, — вовсе не смешон, не жалок, он достигает большой драматической силы, вызывает душевное очищение, веру в то, что люди эти, достойно прожившие жизнь, и завершат ее достойно — ведь и в старости есть немало доброго, хорошего, светлого. Так, тоже стилем «ретро» — от сегодняшнего дня до далекой молодости первых пятилеток раскрывает Тишин честную и достойную судьбу трудового человека, от первого монолога до последних реплик выстраивая логику характера, который и оказался главным нравственным и художественным стержнем всего спектакля.

Больше тридцати лет работает Аркадий Петрович Тишин на иркутской сцене, пожалуй, нелегко сосчитать все роли, которые он сыграл, спектакли, в которых участвовал, многим поколениям иркутян доставляя радость встречи с настоящим искусством, минуты постижения высокой истины. Много лет он был секретарем партбюро театра, депутатом городского Совета, охотно ездил с творческими бригадами на большие наши стройки, в колхозы, к лесникам в далекие глубинки. Везде и всюду он рад видеть приметы роста, созидания. Вот и сейчас, вернувшись из гастрольной поездки с театром в Воронеж и Донецк, с подъемом рассказывает об увиденном, осмысленном и прочувствованном.

Много прожито, много сделано, но ничуть не легче, чем в молодости, начинать работу над каждой ролью, потому что творчество — это всегда сначала. На днях мы увидели народного артиста РСФСР А. П. Тишина в новой роли священника в спектакле «Закон вечности» по роману Нодара Думбадзе. Спектакль посвящен не только шестидесятилетию СССР, но и серьезным проблемам нашей жизни, отношений между людьми. Это не просто очередная роль, а еще одно звено в цепи его служения искусству, участия в общем деле. В этом — его призвание, его жизнь.

И. ДУБОВЦЕВА.